

Изысканная проза.

Филип Пулман

Тойбин шокирующе близко подводит нас к тайне самого творчества.

Майкл Каннингем

Как все, к чему Тойбин прикладывает свою искусную руку, «Волшебник» — крупное творческое достижение, невероятно увлекательный, тонкий, мудрый и совершенный роман.

Ричард Форд

«Волшебник», являясь попыткой художественного осмысления биографии, воссоздает жизнь, думы и деяния Томаса Манна. Роман причудлив и ладно скроен, и я полагаю, это тот случай, когда одному автору удалось максимально близко передать мысли другого.

Мелвин Брэгг

«Волшебник» — выдающееся произведение. Уверен, сам Манн его одобрил бы.

Джон Бэнвилл

«Волшебник» — роман невероятно тонкий, чуткий и захватывающий. В нем писатель калибра Тойбина пытается понять, как будто бы несущественные эпизоды обыденной жизни преобразуются, превращаясь в искусство.

Джей Парини (The New York Times Book Review)

«Волшебник» — это не просто биография, а произведение искусства, эмоциональное подведение итогов века перемен, и в центре его — человек, который пытается не сгибать спину, но вечно колеблется под ветрами этих перемен.

The Times

Это невероятно амбициозная книга, одна из тех, в которых сокровенное и общественное изящно сбалансированы. Это история человека, который почти всю взрослую жизнь провел за письменным столом или прогуливаясь с женой после обеда. Из этой упорядоченной жизни Тойбин создает эпос. Он заставляет Манна после получения в 1929 году Нобелевской премии рассуждать о том, что стиль его сочинений — «тяжеловесный, чопорный, просвещенный» — не придется по нраву входящим в силу нацистам. Отточенность его прозы, ее сдержанность, неприязнь политических дразг — эти тихие, неприметные черты, как убедительно доказывает Тойбин, не стоит недооценивать, ибо они защищают нас от сна разума и от порождаемых им чудовищ.

The Guardian

Амбициозное и в то же время глубоко личное исследование жизни изгнанного из Германии писателя Томаса Манна... Содержащий тонкие наблюдения над жизнью и литературой, одновременно дающий потрясающее ощущение исторического масштаба, «Волшебник» написан лаконично и весьма иронично.

Independent

Эпичный и сокровенный, «Волшебник» — это невероятно удачный портрет трех поколений большого, любящего и беспокойного семейства... триумф.

Financial Times

«Волшебник» использует жизнь Томаса Манна, чтобы исследовать сложные взаимосвязи между личным и историческим, публичной и частной жизнью и ускользающую природу самого творчества. Я нахожу это завораживающим.

New Statesman, Books of the Year

Колм Тойбин уже написал несколько поистине выдающихся романов. «Волшебник», возможно, лучший из них.

Sunday Independent

Отличительные черты воздушной прозы Тойбина — спокойствие, точность, сокровенность — остаются неизменными, несмотря на объем и наполненность событиями биографии Манна. В этой ти-

хой саге Тойбин мастерски передает все богатство и сложность незаурядной личности, подтверждая статус одного из величайших современных романистов.

i

Великолепно... совершенный и увлекательный, умный и захватывающий роман.

Scotsman

Одновременно сокровенный и всеобщий... захватывающая, серьезная и превосходно написанная проза, которая с изяществом ставит вечные вопросы.

Irish Times

Удивительно точная прорисовка характеров и острая пронзительность делают этот роман невероятно увлекательным.

Daily Mirror

В этом романе, наполненном огромным творческим сочувствием, Тойбин исследует богатый внутренний мир немецкого писателя Томаса Манна.

New York Times, 100 Notable Books of 2021

Виртуозное воссоздание жизни и времени, в котором творил великий немецкий писатель Томас Манн, повествующее о сложных отношениях в семействе Манн и сокровенных сексуальных устремлениях писателя.

New York Times, Best Historical Fiction of 2021

Этот тонкий и содержательный роман повествует о жизни нобелевского лауреата Томаса Манна, автора «Смерти в Венеции» и «Волшебной горы», среди других великих современников.

The New York Times, Critics' Top Books of 2021

Сплетенные между собой портреты глубокого и сложного писателя и мира, который в течение его жизни меняется до неузнаваемости, должны понравиться как любителям истории, так и ценителям литературы.

National Public Radio: Books We Love, 2021

Хочется описывать последний роман Колма Тойбина «Волшебник» в самых возвышенных выражениях, как нечто ошеломляющее, ослепительное, выдающееся... Если вы готовы погрузиться в огромный и до мелочей продуманный мир, вы будете наслаждаться каждой страницей.

Vogue, Best Books to Read in 2021

Скрупулезный и лиричный, неоднозначный, но сочувственный портрет писателя, который всю жизнь сражался с самыми сокровенными желаниями, собственным семейством и бурными временами, в которые ему довелось жить.

Time, Best Books of Fall 2021

«Волшебник» возвращает литературного гиганта... полифонический и трогательный роман Тойбина очеловечивает Манна. Грандиозный замысел и сокровенные чувства... Главная тема романа, как и прозы Манна, — упадок нравов и морали, семьи, стран и институтов.

The New York Times

Мистер Тойбин умеет писать очень лаконично, и передавать состояние тишины и покоя удается ему не хуже, чем диалоги и сюжет. Его стиль захватывает не сразу, а прозрения воздействуют тем мощнее, чем жестче наложенные ограничения... То, что удалось мистеру Тойбину в его изысканно чувственном романе — и что редко удается биографическим романам, — это признание того, что не все можно понять. У «Волшебника» самый возвышенный финал из всех, что встречались мне за долгое время.

The Wall Street Journal

Резкий и остроумный роман, доказывающий, какой приятной компанией может быть нобелевский лауреат и его семейство. «Волшебник» равновелик Манну, и виной тому не только изящная проза Тойбина, но и то, что читатель ждет не дожидается очередной остроты из уст родных или гостей Манна.

The Washington Post

«Волшебник», новый роман Колма Тойбина о Манне, противостоит дешевым приемам голливудских биографий, стремясь достичь того, что не удается или что не кажется важным достичь мейнстри-

му. Как творит художник и может ли настоящий творец жить так, как живем мы с вами?

Vulture

Манн Тойбина интереснее, чем простые факты его, по общему признанию, масштабной биографии. Книга набирает мощь и разгон, когда переживания героя показываются на фоне мировых проблем, в особенности когда Тойбин заставляет Манна осмыслять их в жизни и в искусстве.

The Minneapolis Star-Tribune

Мощно... «Волшебник» мастерски сплетает взгляд Тойбина на личную и внутреннюю жизнь Манна с историей создания его лучших романов. Это выдающийся двойной портрет немецкой истории двадцатого века и ее великого писателя, волнующая ода литературе и музыке; с особой тонкостью Тойбин рисует долгий и успешный брак Маннов... Выдающееся достижение.

The Christian Science Monitor

Вам необязательно считать себя поклонником Томаса Манна, чтобы быть захваченным описанием его жизни, которое предлагает Колм Тойбин в своем новом романе. Он хорошо понимает противоречивую натуру Манна, и самая большая удача — то, что он сумел разгадать его главную тайну.

Seattle Times

Сокровенный портрет Томаса Манна. Тойбин использует писательские приемы, чтобы нарисовать портрет Манна как сложной натуры со своими пороками и глубинами. В «Волшебнике» Тойбин представляет необычный взгляд на создание серьезного искусства и в процессе доказывает, каким могущественным волшебником является сам.

Chicago Review of Books

Ода гению двадцатого века и сам по себе подвиг литературного колдовства.

Oprah Magazine

Это вибрации от силы прозрений Манна и возвышенности сладковучной прозы Тойбина. Он превзошел себя.

Publishing News

Захватывающе... Тойбину удастся передать зачарованность Волшебником, как называли Манна его дети, который мог заставить сексуальные тайны исчезнуть под насыщенной поверхностью семейной жизни и неординарным искусством... интригующе.

Kirkus Reviews

С помощью своей роскошной прозы, которая тихо пробуждает измученную душу, скрытую за этими литературными шедеврами, Тойбин демонстрирует непревзойденный дар, рисуя карту внутреннего мира гения.

Booklist

Любители литературы захотят погрузиться в это захватывающее переосмысление жизни нобелевского лауреата, немецкого писателя Томаса Манна... Члены семьи Манн ведут свою собственную борьбу — друг с другом и с миром, в котором редко чувствуют себя как дома, — и это получает самое яркое воплощение.

AARP

Волшебник — это волшебство! Разумеется, Тойбин — литературный тяжеловес. Есть такие писатели, которые способны воспарить над миром фактов и вступить туда, где дух и материя соединяются. Тойбин снова доказал, что он один из них.

Fredericksburg Free-Lance Star

Тойбин снова смешивает фактическое и воображаемое, чтобы показать богатство внутренней жизни и подавленную сексуальность человека, чей дар не имеет себе равных и чья жизнь состоит из потребности принадлежать и страданий от невозможности удовлетворить недозволенные желания.

LitHub

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1. Любек, 1891 год	13
ГЛАВА 2. Любек, 1892 год	37
ГЛАВА 3. Мюнхен, 1893 год	62
ГЛАВА 4. Мюнхен, 1905 год	95
ГЛАВА 5. Венеция, 1911 год	120
ГЛАВА 6. Мюнхен, 1914 год	148
ГЛАВА 7. Мюнхен, 1922 год	187
ГЛАВА 8. Лугано, 1933 год	222
ГЛАВА 9. Кюснахт, 1934 год	251
ГЛАВА 10. Нью-Джерси, 1938 год	284
ГЛАВА 11. Швеция, 1939 год	320
ГЛАВА 12. Принстон, 1940 год	352
ГЛАВА 13. Пасифик-Палисейдс, 1941 год	379
ГЛАВА 14. Вашингтон, 1942 год	418
ГЛАВА 15. Лос-Анджелес, 1945 год	444
ГЛАВА 16. Лос-Анджелес, 1948 год	454
ГЛАВА 17. Стокгольм, 1949 год	481
ГЛАВА 18. Лос-Анджелес, 1950 год	510
Благодарности	538

ГЛАВА 1

Любек, 1891 год

Его мать ждала наверху, пока слуги принимали пальто, шарфы и шляпы. До тех пор пока гостей не проводили в гостиную, Юлия Манн не показывалась. Томас, его старший брат Генрих, сестры Лула и Карла наблюдали с лестничной площадки. Они знали: мать скоро появится. Генриху пришлось утихомирить Лулу, иначе их прогонят спать и они упустят момент. Их младший брат Виктор спал наверху.

С волосами, туго стянутыми цветным бантом, Юлия вышла из спальни. На ней было белое платье и простые черные туфли с Майорки, пошитые на заказ и напоминавшие бальные.

Хозяйка нехотя присоединялась к компании, выглядя при этом так, словно ради гостей ей пришлось оставить место, где даже в одиночестве было куда веселей, чем в праздничном Любеке.

Войдя и гостиную и оглядевшись, Юлия выбирала среди гостей одного, как правило мужчину, кого-нибудь неприятного, вроде герра Келлингхузена, немолодого, но и нестарого, или Франца Кадовиуса, который унаследовал косоглазие от матери, или судью Августа Левверкюна с усиками над тонкой губой, и до конца вечера от него не отходила.

Перед ее заграничным очарованием, ее изяществом и хрупкостью было трудно устоять.

Хозяйка расспрашивала гостя о работе, семье и планах на лето, а в ее глазах светилась доброта. Юлия всегда осведомлялась о сравнительном уровне комфорта, предлагаемом отелями Травемюнде, а также роскошными гостиницами Трувиля, Коллиура или каких-нибудь адриатических курортов.

Затем Юлия переходила к неудобным вопросам. Она принималась расспрашивать собеседника о какой-нибудь уважаемой даме из их окружения. Якобы личная жизнь этой дамы стала предметом спекуляций среди городских бюргеров. Речь могла идти о юной фрау Штавенхиттер, фрау Маккентхун или фройляйн Дистельманн, а то и вовсе о ком-то еще более безобидном. И когда изумленный гость отвечал, что слышал об означенной даме только хорошее и решительно не способен вообразить ничего, что выходило бы за рамки приличий, мать Томаса замечала, что, по ее мнению, Любек должен гордиться тем, что эта поистине выдающаяся женщина удостоила его своим присутствием. Эту мысль Юлия преподносила словно некое откровение — нечто настолько тайное, что об этом до поры до времени не стоило знать даже ее мужу-сенатору.

На следующий день слухи о поведении его матери и о том, кого на сей раз она избрала своим конфидентом, курсировали по городу, пока не доходили до Генриха и Томаса. В пересказе их школьных приятелей слухи напоминали новейшую пьесу, прямоком из Гамбурга, перенесенную на местные подмостки.

По вечерам, когда сенатор отсутствовал по делам, а Томас с Генрихом, покончив с уроками скрипки и ужином, облачались в ночные сорочки, мать рассказывала

им о стране, откуда она родом, — Бразилии. Такой огромной, что никто не знает, сколько людей там живет, чем они занимаются и на каких языках говорят. Стране, сто́крат крупнее Германии, где никогда не бывает ни зимы, ни мороза, ни даже холода, а река Амазонка в десять раз длиннее и шире Рейна. В великую реку вливаются мелкие, что несут свои воды под покровом дремучих лесов, где растут деревья такой вышины, каких не встречал ни один чужестранец. А еще там живут племена, о существовании которых никто не подозревает, ибо племена знают лес как свои пять пальцев, а завидев чужака, успевают спрятаться.

— Расскажи про звезды, — просил Генрих.

— Наш дом в Парати стоял на воде, — рассказывала Юлия. — И сам был почти что частью воды, словно лодка. А когда наступала ночь, мы смотрели на яркие, низкие звезды. Здесь, на севере, звезды высокие и далекие, а в Бразилии их можно разглядеть даже днем. Они похожи на маленькие солнца, они такие яркие и близкие, особенно если вы живете у воды. Моя мать говорила, что, отражаясь от воды, звезды сияют так ярко, что на втором этаже ночью можно читать книгу. И ты ни за что не уснешь, пока не закроешь ставни. Когда я была маленькой девочкой, такой как вы сейчас, я верила, что весь мир похож на Бразилию. Как же я удивилась в свою первую ночь в Любеке, когда не увидела на небе звезд! Их закрывали тучи.

— Расскажи о корабле.

— Вам пора спать.

— Расскажи про сахар.

— Томми, ты же знаешь эту историю.

— Хотя бы кусочек.

— Хорошо. Чтобы приготовить все марципаны, которые делают в Любеке, используют сахар, который выращивают в Бразилии. Любек знаменит марципанами, как Бразилия — сахаром. И когда на Рождество добрые люди в Любеке и их детки едят марципаны, они и не подозревают, что едят часть Бразилии. Они едят сахар, который приплыл к ним по морям.

— А почему мы не можем делать наш собственный сахар?

— Спросите у вашего отца.

Годы спустя Томас размышлял, не стало ли началом конца семейства Манн решение отца вместо флегматичной дочери местного судовладельца, купца или банкира взять в жены Юлию да Сильва-Брунс, в жилах матери которой, по слухам, текла кровь индейцев? Не было ли это наглядным свидетельством тайной семейной страсти ко всему экзотическому, которая до поры до времени никак не проявлялась у степенных Маннов, озабоченных лишь получением прибыли?

Любекцы запомнили Юлию маленькой девочкой, явившейся в их город после смерти матери вместе с сестрой и тремя братьями. Сирот, которые не знали ни слова по-немецки, взял под опеку дядя. Столпы города, вроде фрау Овербек, известной стойкой приверженностью к реформатской церкви, поглядывали на детей с подозрением.

— Однажды я видела, как они крестились, проходя мимо Мариенкирхе, — говорила она. — Не стану ставить под сомнение важность торговли с Бразилией, однако не припомню случая, чтобы бюргер из Любека брал в жены бразильянку.

Юлия, выйдя замуж в семнадцать, родила мужу пятых детей, которые вели себя с достоинством, приличе-

ствующим детям сенатора, однако держались с застенчивой гордостью и даже высокомерием, невиданными для Любека. По мнению сторонников фрау Овербек, подобные настроения поощрять никак не следовало.

На сенатора, который был на одиннадцать лет старше жены, местные взирали с изумлением, словно он вложил капитал в картину итальянского мастера или редкую майолику, проявив опасные наклонности, которые его предкам удавалось держать в узде.

Перед воскресной службой отец проводил тщательный осмотр детей, пока мать возилась в гардеробной, примеряя шляпки и туфли. Генрих и Томас держались с приличествующей случаю важностью, пока Лула и Карла пытались стоять прямо и не вертеться.

После рождения Виктора Юлия перестала обращать внимание на замечания мужа. Ей нравилось наряжать девочек в цветные гольфы и банты, и она не возражала против того, чтобы мальчики носили волосы длиннее, чем принято, и не боялись проявлять смелость в суждениях.

Для церкви Юлия одевалась элегантно, как правило выбирая один цвет — серый или темно-синий, которому соответствовал цвет чулок, и позволяя себе украсить шляпку алой или желтой лентой. Ее муж славился покроем своих сюртуков, которые шил в Гамбурге, и безукоризненной опрятностью. Сенатор менял сорочки каждый день, а порой дважды в день, имел обширный гардероб и стриг усы на французский манер. Достоинством, с которой отец вел семейное дело, он отдавал должное его столетней безупречной истории, однако роскошью своего гардероба подчеркивал, что его интересуют не только деньги и торговля и что нынешние

Манны отличаются не одной лишь умеренностью и рассудительностью, но и не чужды хорошего вкуса.

К ужасу сенатора, на коротком пути до Мариенкирхе от дома Маннов на Бекергрубе Юлия радостно приветствовала знакомых по именам — к такому Любек был явно не готов, особенно по воскресеньям, и это еще сильнее убеждало фрау Овербек и ее незамужнюю дочь, что в глубине души фрау Манн остается католичкой.

— Она глупа и одевается вызывающе, как все католики, — говорила фрау Овербек. — А эта ее лента на шляпе — верх легкомыслия.

В церкви, где собиралось все семейство, прихожане отмечали, как бледна Юлия и как эту соблазнительную бледность оттеняют тяжелые каштановые кудри и загадочные глаза, которые взирали на проповедника с плохо скрытой насмешкой, и это выражение совершенно не вязалось с серьезностью, с которой семья и друзья ее мужа относились к отправлению религиозных обрядов.

Томас видел, что отцу не по душе рассказы матери о ее детстве в Бразилии, особенно в присутствии дочерей. Однако он не возражал, когда Томас расспрашивал его о старом Любеке, о славном пути, который прошла семейная фирма, начав со скромного дела в Ростоке. Отцу нравилось, когда Томас, заглянув в контору по пути из школы, сидел и слушал про торговые суда, склады, банки и страховки и запоминал то, что услышал.

Даже дальние кузины постепенно пришли к выводу, что, в то время как Генрих пошел в мать — был рассеян, непослушен и вечно сидел, уткнувшись в книгу, — юный Томас, рассудительный и горящий рвением, — именно тот, кто продолжит семейное дело в новом веке.

Когда девочки подросли, дети, если отец был в городе по делам, собирались в гардеробной матери, и Юлия рассказывала им о Бразилии, о белизне одежд, что носят тамошние жители, о том, как часто они моются, и поэтому все до единого отличаются редкой красотой, как мужчины, так и женщины, как белые, так и чернокожие.

— Бразилия совершенно не похожа на Любек, — говорила Юлия. — Там нет нужды напускать на себя серьезность. Там нет фрау Овербек с ее вечно поджатыми губами. Нет вечно скорбящих семейств вроде Эскухенов. В Парати, если ты встретишь троих, один непременно будет что-то рассказывать, а двое других смеяться. И все будут в белом.

— Они будут смеяться над шуткой? — спросил Генрих.

— Просто смеяться. Так у них заведено.

— Над чем?

— Дорогой, я не знаю. Я же говорю, так у них заведено. Иногда по ночам я слышу этот смех. Его приносит ветер.

— А мы когда-нибудь поедem в Бразилию? — спросила Лула.

— Не думаю, что эта мысль придется по душе вашему отцу, — ответила Юлия.

— А когда станем старше? — спросил Генрих.

— Мы не можем знать, что случится, когда мы станем старше, — промолвила Юлия. — Может быть, вы будете ездить куда захотите. Куда угодно!

— Я хотел бы остаться в Любеке, — сказал Томас.

— Твой отец будет рад это услышать, — заметила Юлия.

Томас жил в мире своих грез в гораздо большей степени, чем Генрих, мать или сестры. Даже беседы с отцом про склады были лишь частью фантастического мира,

в котором он воображал себя то греческим божеством, то персонажем детской считалки, то женщиной с лицом, исполненным страстной надежды, с картины, которую отец повесил над лестницей. Порой ему было трудно отделаться от фантазий, что на самом деле он старше и сильнее Генриха, что ходит как равный в контору с отцом или что он — горничная Матильда, обязанностью которой было следить, чтобы туфельки матери всегда стояли по парам, флаконы с духами никогда не пустели, а тайные предметы материнского гардероба хранились на тайных полках, подальше от его любопытных глаз.

Томас поражал гостей, перечисляя, какие грузы придут в порт, щеголяя названиями судов и дальних гаваней, и гости прочили ему выдающуюся деловую карьеру, заставляя его вздрагивать от мысли, что, знай эти люди, каков он на самом деле, они немедленно бы от него отвернулись. Если бы они могли заглянуть к нему в голову и увидеть, сколько раз за ночь, а иногда и среди бела дня он воображал себя то ослепленной желанием женщиной с картины, то рыцарем с мечом и песней на устах! Они изумились бы, как легко ему, самозванцу, удастся их дурачить, как коварно он добился отцовского расположения и как мало ему следует доверять.

Разумеется, Генрих знал о тайной жизни младшего брата, о том, насколько далеко Томас зашел в своих мечтаниях. Брат отдавал себе отчет — и предупреждал об этом Томаса, — что чем больше тот притворяется, тем больше вероятность того, что его тайну раскроют. Генрих, в отличие от младшего брата, никогда не таил своих пристрастий. С подросткового возраста его увлеченность Гейне и Гёте, Бурже и Мопассаном была столь же очевидна, как и его равнодушие к торговым судам

и складам. Последние вызывали в нем тоску, и никакие увещания не могли убедить его не говорить отцу, что он не желает иметь с семейным делом ничего общего.

— Я видел, как за завтраком ты изображал из себя маленького дельца, — сказал он Томасу. — Тебе удалось одурачить всех, кроме меня. Когда ты признаешься им, что притворяешься?

— Я не притворяюсь.

— Ты все это несерьезно.

Генрих так явно демонстрировал пренебрежение к главным семейным чаяниям, что отец оставил его в покое, сосредоточившись на исправлении мелких погрешностей в манерах второго сына и дочерей. Юлия пыталась увлечь Генриха музыкой, но он не желал музицировать ни на фортепиано, ни на скрипке.

Генрих совершенно отдалился бы от семьи, думал Томас, если бы не искренняя привязанность к Карле. Между ними было десять лет разницы, и отношение брата к сестре было скорее отцовским, нежели братским. С младенчества Генрих таскал Карлу по дому, а когда она стала старше, учил ее карточным играм и играл с ней в особую разновидность прятков, которую придумал специально для них двоих.

Всех восхищала привязанность Генриха к Карле, его мягкость и предупредительность по отношению к младшей сестре. Ни друзья, ни иные заботы, ничто не могло заставить его забыть о своей любимице. Если Луле случалось приревновать брата к Карле, Генрих тут же предлагал ей присоединиться к общей игре, но вскоре Лула начинала скучать, не будучи посвященной в их приватные шутки и обыкновения.

— Генрих очень добрый, — рассуждала кузина. — Будь он таким же практичным, будущее семьи было бы обеспечено.

— Зато у нас есть Томми, — отвечала тетя Элизабет, оборачиваясь к нему. — Томми поведет семейную фирму в двадцатый век. Разве не в этом состоит твой план?

Несмотря на легкую иронию в ее тоне, Томас улыбался во весь рот.

Считалось, что непокорность Генрих получил от матери, но, став старше, он перестал ценить материнские истории, не унаследовав ни хрупкости ее духа, ни ее природной утонченности. Странно, но, вечно рассуждая о поэзии, искусстве и путешествиях, Генрих, с его прямоотой и решительностью, подрастая, все больше напоминал истинного Манна. А встретив его в городе, тетя Элизабет неизменно замечала, как он похож на ее деда Иоганна Зигмунда Манна. Его тяжелая поступь напоминала ей старый добрый Любек и основательность, которой отличались его предки по отцовской линии. Какая жалость, что он совершенно равнодушен к торговле!

Томас понимал, что, вероятно, со временем семейное дело перейдет к нему, а не к старшему брату, и ему же достанется дедовский дом. Он мог бы наполнить его книгами. Томас видел, как перестроит парадные комнаты, переместив контору в другие помещения. Он будет заказывать книги в Гамбурге, как его отец заказывает одежду, а может быть, даже во Франции, если выучит французский, или в Англии, если усовершенствует английский. Он будет жить в Любеке, как не жил никто до него, радея о делах ровно в той мере, чтобы удовлетворять иные потребности. Вероятно, он женится на французке. Французская жена добавит в жизнь заграничного лоска.